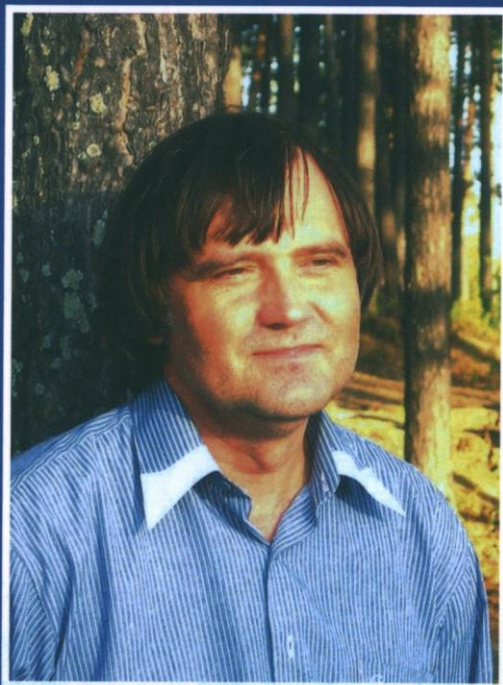

К8Н(2=Н11.2)6-5
С32

К 65-летию Дмитрия Сергеева

«Всё, что прожито,
было не зря»

КВН(Э=444.2)6-5
С32

«Всё, что прожито, было не зря»

9001072478

1758
КР

МБУК ЦБС г.Сургут

Инв № 21101758

Библиотека КР

ББК 84
УДК 82-1

С32

ISBN 978-5-87591-352-5

Дмитрий Сергеев «Всё, что прожито, было не зря»
/Дмитрий Сергеев. – Тюмень: АО «Тюменский дом печати»,
2021 г. – 96 с.

ISBN 978-5-87591-340-2

© Сергеев Д., 2021
© АО «Тюменский дом печати», 2021

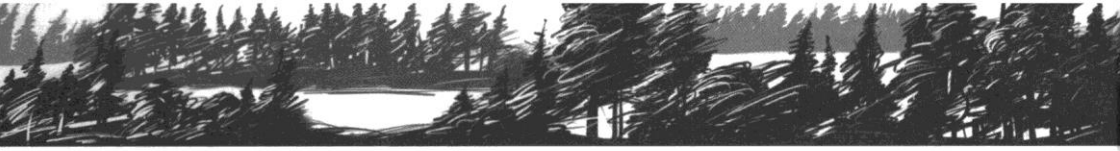
Это издание подготовлено при участии Тюменского областного общественного благотворительного фонда «Ветеран Севера», активным участником которого является автор книги Сергеев Дмитрий Алексеевич – член Союза писателей России.

Каждое мероприятие, которое мы проводим в фонде, Дмитрий Алексеевич запечатлевает своим фотоаппаратом, для истории; ведь люди в нашем фонде особенные: отработав от 20 до 40 лет в Сургуте, они были первопроходцами и первооткрывателями большой сургутской нефти, строили, учили, лечили в то далекое время, которое уже стало историей. За оказание поддержки Дмитрию Алексеевичу в издании нового сборника единогласно проголосовали все члены нашего правления.

Этот сборник отражает длительный период литературной деятельности автора. В издание, названием которого стала строчка одного из его стихотворений «Всё, что прожито, было не зря», вошёл автобиографический очерк писателя, фотогалерея из снимков, сделанных в различные периоды его жизни, и подборка стихотворений разных лет.

26 октября 2021 года писатель отмечает своё 65-летие. Стихи... Мне кажется, они рождаются в его душе в любое время года и в самое разное время суток. И вот уже эта книга становится пятнадцатой в ряду поэтических, прозаических и краеведческих изданий Д.А.Сергеева. Новых Вам творческих высот, Дмитрий Алексеевич!

*Председатель правления благотворительного Фонда
«Ветеран Севера» М.С. БОНДАРЕВА.*

Дмитрий Алексеевич СЕРГЕЕВ

«ГОРОДА МОИ И ГОРОДКИ»

(автобиографический очерк)

*Пусть и жизнь у них стала иною,
И они от меня далеки,
Всё равно будут вечно со мною
Города мои и городки.*

РОДАКОВО

Я родился 26 октября 1956 года в семье офицера. Отец Алексей Никитич – ветеран Великой Отечественной войны. Воевать закончил в Австрии, после служил в Германии, а последние годы перед выходом в отставку – на курильском острове Шумшу. Мама – Валентина Петровна – была на 11 лет моложе. Войну она в детстве пережила в посёлке Родаково Ворошиловградской (Луганской) области, который был оккупирован немцами. После школы, она окончила курсы телеграфисток и успела немного поработать по специальности. А потом вышла замуж и уехала на далёкий остров Курильской гряды, где родила мою сестру Наталью.

Я же появился на свет в мамином родном посёлке, куда мама вернулась с отцом после его демобилизации. Вскоре мы переехали на место жительства в Ясиноватую Донецкой области. А в Родаково ещё долгое время жили мои бабушка, прабабушка и другие, более дальние родственники. Нас с сестрой каждое лето отвозили туда на отдых. Жизнь в Родаково сильно отличалась от ясиноватской. У бабушки был огромный, по советским меркам, сад. В школьные годы я нашёл в бабушкином сарае деревянный полевой метр, которым и измерил его. Сад оказался длиной более ста метров и шириной – больше шестидесяти, но родственники говорили, что когда-то он был больше. Ещё часть его продали уже при мне.

Я любил этот сад и проводил в нём долгие часы, придумывая себе разные интересные игры и сочиняя захватывающие истории. Однажды я из глины и земли слепил планету диаметром сантиметров сорок, подвесил её за леску на ветке большого дерева, засадил травой, мелкими цветками и населил разными насекомыми. В верхней части шара сделал озёра. Но планета оказалась нежизнеспособной. Озёра в ней испарялись, горы осыпались, насекомые куда-то быстро исчезали. Лишь изредка туда залетали какие-нибудь крылатые инопланетяне, но и то не надолго – просто посидеть. Часто мы играли в саду вместе с сестрой, а иногда на отдых к бабушке приезжала также наша кузина, и тогда мы играли втроём.

На улице я познакомился с местными мальчишками. Сначала мы подрались, а потом подружились. Недалеко от бабушкиного дома находился поселковый стадион, но большую часть времени он пустовал, и мы с мальчишками, перелезая через закрытые на замок ворота, подолгу играли там в футбол. Рядом со стадионом был парк культуры с одноэтажным кинотеатром. Между стадионом и парком

стояла сторожка, где сидел сторож, охранявший одновременно и парк культуры, и стадион. Иногда он через свою калитку входил на стадион посмотреть, кто туда проник. Но видя, что мы не хулиганим, никогда не прогонял нас, и мы продолжали играть.

Наша бабушка работала в поселковом радиоузле, располагавшемся в одноподэтажном строении в ряду других таких же домов, и у него был свой дворик и небольшой огород. Внутри здания посреди большой комнаты стояли четыре высоких прямоугольных тумбы с серебристыми панелями, светившимися жёлтыми, зелёными и красными огоньками. Здесь же были какие-то кнопки и рычажки. Это помещение напоминало мне интерьер большого космического корабля из фантастических произведений, которые я тогда любил читать. Бабушка обычно сидела там одна за стоявшим у окна столом. Прабабушка готовила бабушке обеды, которые мы с сестрой с желанием и даже с удовольствием каждый день относили в радиоузел.

А ещё в Родаково я много читал. Мы с сестрой всегда брали с собой книги. Как правило, на всё лето их не хватало, и тогда бабушка вела нас в книжный магазин и по нашему выбору покупала нам по новой книжке. Но однажды, это было после седьмого класса, когда в очередной раз читать было нечего, я среди старых вещей нашёл у бабушки «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и прочитал его, не отрываясь. Эта книга перевёрнула моё сознание. Я находился под таким сильным впечатлением от неё, что до возвращения в Ясиноватую и начала учебного года просто не мог читать ничего другого – всё казалось какой-то ерундой.

Иногда бабушка и прабабушка брали нас с собой в степь собирать лекарственные травы. Но о степи в двух строках не напишешь – это вообще отдельная тема. Бабушкина улица – Садовая – находилась в верхней части посёлка. От неё местность опускалась вниз к речке Лугань (в просторечье Луганка), и поэтому, из бабушкиного сада вдали была видна степь, узкая полоска извилистой реки и дорога. В детстве мне казалось, что по ней ездят какие-то игрушечные машинки. Но отец объяснил, что на самом деле они большие, просто находятся очень далеко. И речка тоже была так далеко, что купаться туда мы ходили только когда приезжал отец. А ещё, когда приезжал отец или дядя Вова (папа нашей кузины), мы все ночевали в саду – и это тоже было здорово!

Ну и, конечно же, постоянные рассказы бабушки, прабабушки и других родственников о революциях, войнах и прочих известных событиях, свидетелями которых они были, возбуждали живой интерес к истории.

Вообще Родаково оставило большой след в моём сознании, и впоследствии нашло отражение в повести «Взвейтесь, соколы, орлами!», которая в 2012 году увидела свет в альманахе «Сургут литературный», а отрывки из неё вошли в мою книгу «Одинокая женщина на пустынном пляже». Кроме того, в Родаково происходят действия рассказа «Парящий над садами», однажды опубликованного в «Вестнике». Больше я его никуда не предлагал, поскольку и сам не мог определить его жанр. Вроде бы он о ребёнке, но вряд ли для детей. Кажется, он фантастический, и в то же время очень реалистичный. Но в целом, я думаю, тема посёлка Родаково мною далеко не исчерпана.

Последний раз я посетил его в конце семидесятых, и тогда всё там было ещё узнаваемым для меня. Сестра же, побывав в посёлке спустя двадцать лет, с трудом узнала его – он теперь застроен многоэтажными кварталами, и трудно найти те места, которые когда-то были для нас привычными и навсегда сохранились в нашей памяти.

ЯСИНОВАТАЯ

В Ясиноватой мы первое время снимали флигель. Это был трудный период. Когда мы туда приехали, отец, не успев устроиться на работу, надолго слёг с тяжёлой формой туберкулёза. Родственников и знакомых в Ясиноватой не было, деньги, с которыми родители приехали в этот маленький город, вскоре кончились и, имея двух малышей, мама вынуждена была работать, на весь день оставляя нас одних. Мне тогда не было и трёх лет, но это время я помню гораздо ярче и подробнее, чем некоторые школьные годы. До мелочей помню обстановку во флигеле, отдельные предметы, даже сны, которые мне там снились. Помню, какие пуговицы были у мамы на жакете. Причём, кроме неё и меня этого не помнил никто.

Отец всё же поборол болезнь, выздоровел и стал работать замполитом в профтехучилище (тогда была такая должность). Затем заочно поступил на истфак в филиал Днепропетровского университета (ДонГУ тогда ещё не было). Позже преподавал историю и военное дело.

Учился я сначала в восьмилетней школе № 2, а два последних класса – в средней школе № 6, которая была далековато от моего дома. Но там преподавали автодело, и по окончании ученики получали водительские права с указанием даты, с которой они действительны. Как историк я питаю слабость к старым документам, и эти первые права хранятся у меня до сих пор.

Уже в начальных классах я пытался писать стихи. Мой отец никогда не читал нам с сестрой детских книжек, а буквально с нашего дошкольного возраста знакомил нас с творчеством Пушкина и Лермонтова. В детском саду я, взбираясь на табуретку, по просьбе воспитательниц и детской публики читал «Белеет парус одинокий...». А, уже учась в школе, стал пытаться подражать нашим великим поэтам, сочиняя свои опусы.

Однако чаще детсада и школы мне вспоминается двор дома № 9 на улице Лермонтова, в который мы переехали в шестьдесят первом году. Жители дома очень любили свой двор, высаживали в нём цветы на больших клумбах перед каждым подъездом, самостоятельно сделали спортивную площадку, беседку, качели, лавочки. Во дворе росли раскидистые тополя и фруктовые деревья. А за двором была большая посадка белой акации, и когда она цвела, вокруг распространялся её завораживающий запах. Посреди посадки стояла высокая кирпичная водокачка, на чердаке которой жили летучие мыши, с наступлением сумерек часто кружившие над нашим двором.

В двухэтажном доме с тремя подъездами было почти три десятка мальчишек и девчонок, причём, по сути, одного поколения. Большую часть времени мы играли во дворе. Он был нашей надёжной крепостью. Если там появлялись чужие люди, их сразу спрашивали, к кому и зачем они пришли, и подозрительных тут же выпроваживали. Возле двора были магазины, и однажды четверо алкашей, купив водки, решили расположиться на свой банкет в нашей беседке. Женщины попытались их прогнать, но те только обругали женщин. Дело было летом в жаркий выходной. В доме были открыты окна, а многие жильцы сидели на балконах, и все слышали, что произошло.

За алкашами гнались всем двором до самого конца нашей улицы: впереди бежали мужчины, прихватив с собой, кому что под руки попало, затем наиболее бойкие из женщин (тоже не с пустыми руками), а следом мы – мальчишки и девчонки...

Так что в своём дворе мы чувствовали себя в безопасности, и во время летних каникул нам позволяли играть там до одиннадцати вечера, а то и до полуночи. Главное, чтоб от двора не уходили. Но иногда мы всё же позволяли себе отлучаться, рискуя за это получить нагоняй от родителей.

Когда я окончил шестой класс, одним из развлечений, которое, как мы считали, вырабатывало у нас смелость и развивало силу воли, было хождение по кладбищу в тёмное время суток. Через него мы проходили по одному. Самым старшим из нас было не больше пятнадцати. По дороге к кладбищу мы пугали друг друга страшными историями, а придя на место, разбирали свернутые клочки бумаги с номерами, определявшими очерёдность перехода. Когда идёшь первым, жутко настолько, что, кажется, будто твои волосы приподнимают кепку над головой. Последнему тоже страшно, но не так. Просто движешься немного быстрее, почти бегом, и всё время оглядываешься. А если ты не первый и не последний – так и не страшно почти.

Мы, мальчишки, после школы часто играли в футбол, иногда до самых сумерек, когда уже было не видно, у кого мяч. Из-за этого возникали разные забавные ситуации, и тогда футбольный матч заканчивался всеобщим весельем. Ребят во дворе было почти вдвое меньше, чем девчонок. Но большую часть времени мы играли все вместе. Помимо прятков и догонялок, было множество интересных игр с мячами, скакалками и прочим инвентарём. Конечно, как и все наши сверстники, мы нередко играли в войну. Словом, нам никогда не было скучно. Вечерами, набегавшись, мы пересказывали друг другу прочитанные книги. Особенно увлекались фантастикой. В старших классах я даже стал пробовать себя в этом жанре, написав несколько рассказиков. Раз в неделю мы всем двором ходили в библиотеку, на ходу вкратце пересказывая прочитанные книги и занимая очередь за наиболее интересными из них.

Примерно с седьмого класса я увлёкся чтением научно-популярных журналов. Выписывал такие издания, как «Техника – молодёжи», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Вокруг света», и родители для этого никогда денег не жалели, хотя жили мы не богато. Однажды отец, увидев, как я перерисовываю из журнала археологические находки, посоветовал мне готовиться поступать на исторический факультет.

О своём дворе и его обитателях я написал повесть «Киоскёрша с улицы поэта», которая публиковалась в «Сургуте литературном» и в сборнике «Одинокая женщина на пустынном пляже». В девяностые годы в этом дворе не осталось былой привлекательности: не стало ни лавок, ни беседок, ни качелей, ни тополей и фруктовых деревьев. Всё заросло бурьяном. И детей там стало почти не видно.

По окончании школы я, не пройдя по конкурсу в Донецкий университет, где на истфаке тогда было 14 человек на место, работал токарем на Ремонтно-прокатной базе треста «Донбасстранстрой». А осенью 1976 года пошёл в армию. Военкомат Ясиноватского района тогда находился в Авдеевке. Я приехал туда через неделю после того, как мне исполнилось восемнадцать, и возмутился тем, что до сих пор не получил повестку. Через несколько дней, едва успев организовать проводы, я уже ехал к месту назначения.

РОСЛАУ

Сначала я попал в Еланскую «учебку» на территории Свердловской области, готовившую кадры для Группы Советских войск в Германии. На распределительной комиссии сам напросился в командирский батальон. А там полгода проле-

тело, как сон: стрельбы из стрелкового оружия и вооружения БМП, вождение, марш-броски, разведподготовка, тактика танкового боя и боя в пешем порядке – всё бегом да ползком. Оглянуться не успели, а уже весна, и мы, бывшие курсанты, получив звания сержантов, летим в Германскую Демократическую Республику.

Я и ещё несколько наших еланцев попали служить в небольшой городок Рослау, где находился крупный гарнизон, в котором располагался штаб дивизии. Командир роты сразу устроил нам экзамен – оказалось, ему нужен был старший полигонной команды. У нас была отдельная мотострелковая рота в танковом полку, и вся полигонная команда состояла из шести человек с сержантом во главе. И я отправился на полигон, где проводил гораздо больше времени, чем в гарнизоне.

Но к концу лета меня избрали неосвобождённым комсомольским секретарём роты, и я распрощался с полигоном. А за свою службу там получил звание старшего сержанта. Комсомольской работой я занимался в свободное время. От занятий, учений и караулов для этого никогда не освобождали. Так что служить стало труднее, но и время пошло быстрее. Наша комсомольская организация стала лучшей в полку, а за укрепление дружественных связей между ВЛКСМ и Союзом Свободной Немецкой Молодёжи немецкий комсомол наградил меня своей медалью.

Если в Еланской учебке можно было хотя бы иногда позвонить по телефону с переговорного пункта, куда нас обычно сопровождал сержант, то в Германии не было и такой возможности. Так что всё общение с близкими и друзьями сводилось к переписке. После прибытия в Германию прошлое казалось смутным и далёким, а будущее – какой-то совершенно новой жизнью. Поэтому, поменяв место службы, я написал новый адрес только родственникам и самому близкому другу. Так что до конца моего пребывания в ГДР письма мне писали лишь родители, бабушка, друг, сестра и кузина.

Наша группа сержантов из Елани привезла в часть старинную солдатскую песню «Взвейтесь, соколы, орлами!», и на строевом конкурсе мотострелковое подразделение потрясло ею комдива. После этого на базе нашей роты был создан дивизионный хор, который должен был выступить на совместном советско-германском праздничном мероприятии в оперном театре соседнего города Дессау. С первой репетиции наши отобранные для хора бойцы сбежали в кино, и ротный поручил мне обеспечивать их присутствие на последующих репетициях. Однако майору-концертмейстеру не понравилось, что в то время, как другие поют, я бесполезно сижу в зале в роли соглядата. И он приобщил меня к хоровому пению. В назначенный день после десятка репетиций мы исполнили на праздничном концерте несколько патриотических песен. Говорили, будто немцы отказывались верить, что это был не профессиональный армейский хор, а всего лишь обычные мотострелки и танкисты. После выступления хор распустился, а я потом долго вспоминал, что пел когда-то в оперном театре.

В ГСВГ я продолжал готовиться к поступлению в университет, постоянно таская книги в противогазовой сумке. В гарнизонном книжном магазине мне посчастливилось купить французско-русский словарь, и я старался каждый день выучивать по пять слов и предложения с ними – это было не трудно, но повторять уже выученные слова с каждым днём становилось всё сложнее. В Рослау я впервые подробно и с большим удовольствием прочитал «Войну и мир» Л.Н. Толстого. Книга «Как закалялась сталь» Николая Островского помогла мне преодолеть тяготы армейской жизни. Но больше всего я удивил своих сослуживцев (да и самого себя), когда на всю тетрадь в девяносто шесть листов законспектировал «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина, и тоже, как ни странно, с большим удовольствием.

Из непрограммной литературы, просто из любопытства купил сборник рассказов молодых французских литераторов, но теперь помню из него только «Шито белыми нитками» писательницы Клер Галлуа. Отдал дань и немецкой литературе, прочитав томик рассказов Томаса Манна. И, конечно же, писал стихи — о любви, об армии, о Германии, а также — небольшие путевые заметки. Правда, блокнот со всем этим на втором году службы куда-то исчез. Возможно, среди моих сослуживцев появился первый поклонник моего скромного таланта. Лишь кое-что из утраченного потом удалось восстановить по памяти. Но я особо не расстроился: «Ничего! Ещё напишу».

В 1976 году я на отлично окончил партийную школу комсомольского актива при политотделе дивизии, и начальник политотдела, не убедив меня поступать в военное училище, дал мне рекомендацию для поступления в университет. А вот в партию меня так и не приняли. Из-за причёски. Увидев меня, председатель дивизионной парткомиссии сказал замполиту полка: «Пока вы его не подстрижёте, не видать ему партии, как своих ушей!». Но дело шло к концу службы, в роте меня по этому поводу никто не напрягал, и я решил: «Ну, и ладно! Какие мои годы! Успею ещё вступить». Но так и не успел. В начале ноября 1976 года в звании гвардейского старшины я уволился в запас.

От Германии в памяти остались обширные смешанные леса (не знаю, где они там помещались), в которых росло много грибов и ежевики; готические строения, наш гарнизон с казармами, где когда-то жили солдаты эсэсовской дивизии «Мёртвая голова»; мощённые камнем дороги, спокойная равнинная река Эльба, которую мы тренировались форсировать на БМП, и в целом доброжелательные восточные немцы, в массе своей прекрасно к нам относившиеся.

ДОНЕЦК

Возвратившись из Германии, я сначала поступил на очное подготовительное отделение исторического факультета Донецкого госуниверситета, а после его окончания — на первый курс. Учёба в университете была самым бурным, интересным и насыщенным множеством событий периодом моей жизни. Я участвовал в археологических экспедициях, проходил архивную практику в Центральном архиве УССР, музейную практику — в городе Львове.

Каждое лето ездил в стройотряды и на «шабашки», некоторое время занимался в секции парашютного спорта ДОСААФ.

В парашютную секцию я пришёл в двадцать три года. Тренер сказал, что у меня не перспективный возраст, и что у них ребята в таком возрасте — уже кандидаты и мастера спорта. Я признался, что не собираюсь делать спортивную карьеру, а просто хочу хотя бы несколько раз в жизни прыгнуть с самолёта. «Ладно, — сказал тренер, — мы как раз набрали новую группу, правда, там, в основном, девушки и всего два парня. Третьим будешь?» Я согласился. Когда прыгаешь с парашютом, страшно только во время отделения от самолёта, а потом испытываешь неопишимый восторг. Особенно, когда видишь, что купол парашюта раскрылся.

Тогда же я начал интересоваться восточными единоборствами, чему способствовал работавший в университете подготовительный факультет для иностранных студентов, среди которых были представители разных школ и направлений рукопашного боя; а студентов истфака, как представителей идеологического факультета, в общезнаниях обычно селили с иностранцами. Кроме того, я входил в состав университетского оперативного комсомольского отряда, работавшего под

руководством милиции. И всё это в дальнейшем даст интересный материал для литературного творчества.

Первые курсовые работы я посвятил религиям Древнего Востока; но к концу учёбы увлёкся изучением документов российской жандармерии начала XX века, получив по ходатайству университета допуск к Екатеринославскому губернскому жандармскому архиву и к жандармской документации, имевшейся в Центральном республиканском архиве. В итоге написал дипломную работу о революции 1905 года в Донбассе. Участвовал в студенческих научных конференциях, и однажды даже получил денежную премию за представленную работу.

В свободное время писал стихи, которые не раз размещались в огромной факультетской стенгазете. Тогда же появилась первая заметка о моём поэтическом творчестве в многотиражной университетской газете. Ещё на подготовительном отделении по просьбе преподавательницы французского я сделал несколько переводов Поля Верлена. Перевод «Осенней песни» она назвала лучшим из всех, что делали её студенты. Позже во время выступлений перед читателями я нередко читал его в оригинале и в своём переводе.

Донецк в то время был замечательным городом, с множеством аллей, парков и скверов. Каждый год там высаживали миллион роз. Параллельно с занятиями на истфаке я посещал двухгодичный факультатив лекторов-искусствоведов, получив в итоге соответствующий диплом. В Донецке была богатая картинная галерея, где можно было в оригиналах увидеть работы Айвазовского, Кончаловского, Шишкина, Куинджи, Лактионова, Пластова и многих других русских и советских мастеров живописи. А кроме того там были работы, немецких, голландских, французских, итальянских художников. Я любил ходить по залам галереи, когда там не было экскурсий. Впервые меня, ещё школьником, привёл туда мой отец, с которым мы иногда ездили в Донецк. И с тех пор, приезжая в областной центр, я не мог не зайти в тихие прохладные залы галереи. В студенческие годы, познакомившись с какой-нибудь девушкой, я первым делом брал её с собой в этот храм искусства и подолгу водил там по залам, показывая свои любимые картины и рассказывая об их содержании и достоинствах. Девушки, наверное, были в восторге.

В школьные годы с отцом я побывал также в Донецком планетарии, что вкупе с увлечением космической фантастикой, стимулировало мой интерес к астрономии. Спустя много лет выйдет мой сборник «Поэзия космоса», посвящённый планетам, звёздам, галактикам, в общем, всему, что известно о вселенной. Эта книга вызовет большой интерес у школьников, и я с ней не раз буду выступать в учебных заведениях. А ещё отец водил меня в краеведческий музей, и это тоже сильно повлияло на формирование моих интересов.

В 2013 году после моего очередного посещения Донецка стараниями моих друзей-однокурсников в издательстве «Донбасс» выйдет поэтический сборник «Рифмы ускользящих мгновений», в который, в числе прочих, войдут и стихи о Донбассе.

На четвёртом курсе меня пригласили работать внештатным инструктором горкома комсомола с расчётом, что по окончании вуза меня возьмут в штат. Но работа эта как-то не пришлась мне по душе, да и отцу не понравилось, что я занимаюсь комсомольской деятельностью вместо того, чтобы все силы и время отдавать учёбе. И я оставил это занятие.

В 1982 году я окончил исторический факультет и, уже имея семью, вернулся в свой родной город, где работал учителем истории в Ясиноватской школе № 4 и

параллельно подрабатывал в школе № 5 и в железнодорожном профтехучилище. Иногда также вёл уроки в средней школе № 1. Нередко за перерыв между уроками я добежал от школы до школы, причём, не фигурально выражаясь, а в самом прямом смысле: выбежал с портфелем из одной школы и, как спринтер, мчался по улицам нашего городка в другую. Но, несмотря на все мои метания и старания, мой первый брак, как и большая часть всех ранних браков, оказался неудачным. Как говорят в таких случаях, семейная лодка разбилась о быт. И, устав бегать между школами, в 1984 году я уехал в Сургут.

СУРГУТ

Сургут по времени – это половина моей жизни, а по содержанию – гораздо больше. Первые впечатления: леса, болота, песок, комары, скверная погода и ощущение общего дискомфорта. Трудился я сначала в Сургутской средней школе № 2, затем – в Сургутском городском отделении милиции № 3. Там я, как бывший учитель, работал с несовершеннолетними.

Мой участок включал 14 пригородных посёлков и один городской микрорайон, где в общем проживало более сорока подучётных особой категории и до ста двадцати разных мелких нарушителей, также стоявших на учёте в ИДН. С транспортом у милиции были проблемы. Так что в любое время всюду приходилось добираться своим ходом. В балочных посёлках, особенно в тёмное время, донимали сбившиеся в стаи собаки, брошенные переехавшими в город жителями. Так что я там старался ходить в сапогах и носил с собой новгородные хлопущки, чтобы отпугивать свирепых животных, не любивших чужаков.

Третье отделение милиции тогда возглавлял Александр Германович Тупалов, который затем перешёл на работу в УВД, а позже и возглавил его. Он увлекался боевыми искусствами, и при УВД организовал секцию рукопашного боя. Но вести её самому ему было накладно из-за нехватки времени, и вскоре он нашёл нам нового тренера – Александра Валентиновича Коваленко, который работал на ГРЭС, но был специалистом по каратэ. Какое-то время занимались под его руководством. Но у работников милиции было туго со временем, и секция постепенно редела, до конца оставались только наиболее увлечённые. На последнее занятие пришёл я и водитель патрульного экипажа.

Позже я ушёл в журналистику и в литературу, а Александр Коваленко остался верен своему боевому увлечению и через некоторое время возглавил Сургутскую школу каратэ кёкусинкай и окружную Федерацию этого вида каратэ. Он нашёл меня через пятнадцать лет после того, как мы занимались в УВД, и по его просьбе я стал писать статьи о работе его школы и Федерации. Он познакомил меня с легендарными людьми, стоявшими у истоков создания Федерации каратэ кёкусинкай СССР, например, с её президентом-основателем Александром Ивановичем Тянушкиным, у которого я потом не раз брал интервью. В итоге появился целый цикл статей о каратэ кёкусинкай. Вообще Сургут свёл меня со многими интересными людьми, так или иначе повлиявшими на мою жизнь в этом городе. Кстати, Александр Коваленко сейчас тоже живёт в Тюмени.

Работая в отделении милиции, по крайней мере, раз в неделю я, как и другие офицеры, заступал в суточные наряды и выезжал на самые разные происшествия, независимо от своей основной специализации. А ещё в отделении я занимался выпуском стенгазет и участвовал в художественной самодеятельности, выступая на культурных мероприятиях со стихами и с авторскими песнями, исполняемыми под семиструнную гитару. Механические настольные часы, полученные как-то в сургутском Управлении внутренних дел на творческом конкурсе, у меня идут до

сих пор. Однажды УВД отправило меня даже на конкурс авторской песни МВД в Оренбург, где я призов не получил, но выступил довольно неплохо. Играл я посредственно, в том числе из-за того, что не привык делать это стоя, но видел, что зал внимательно вслушивался в мои тексты.

В общезнании я познакомился с молодым самодеятельным музыкантом Александром Гурьяновым, организатором местных рок-фестивалей. Он прекрасно пел и замечательно играл на гитаре, и у него была музыкальная группа. Александру нравились мои песни и некоторые из них он исполнял. Он познакомил меня с четой Будаловских, у которых в общезнании на Набережной была любительская киностудия и кружок, где они обучали желающих снимать кинокамерами «Красногорск». Я стал ходить туда пообщаться в творческой среде, и сам снял несколько сюжетов. Там я познакомился со своей будущей женой Ириной, работавшей в «Книготорге», очень много читавшей, хорошо знавшей, как отечественную, так и зарубежную литературу и любившей поэзию. А главное, она была очень милой, доброй, хорошенькой синеглазкой, которая сразу вызвала у меня чувство нежности и какое-то особое доверие. Познакомились мы в конце октября 1985 года, в начале ноября стали встречаться, а сразу после новогодних праздников официально оформили наши отношения. Так я снова стал семейным человеком.

Однажды Ирина прочитала в местной газете объявление о заседании литературного объединения «Северный огонёк» и посоветовала мне сходить туда. После первого посещения литобъединения, которое тогда возглавлял первый член Союза писателей СССР в Сургуте Николай Меркамалович Шамсутдинов, у меня появились публикации в газете «К победе коммунизма», затем в другой местной прессе, а позже и в иных периодических изданиях. Многие для развития творчества дали также областные литературные семинары. Понемногу я стал пробовать себя в журналистике, а спустя три года работы в милиции перешёл на журналистскую работу.

Трудился в средствах массовой информации производственного объединения «Сургутнефтегаз»: был редактором радиогазеты «Нефтяник», корреспондентом и ответственным секретарём ведомственной газеты «Нефть Приобья». У меня также была еженедельная двадцатиминутная передача на сургутском проводном радио. С 1993 года работал обозревателем, а потом заместителем главного редактора в газете Сургутского района «Вестник», которая в то время была, по сути, региональной газетой, имевшей около двадцати тысяч подписчиков в Сургуте и районе. С 1999 года был главным редактором ведомственной газеты ООО «Сургутгазпром» «Сибирский газовик». Однако работа в ведомственных газетах, на мой взгляд, несколько однообразна, тематически ограничена и не очень способствует творческому росту журналиста. В 2003 году я вернулся в «Вестник», где сначала был собственным корреспондентом, а в 2005 году меня вновь назначили заместителем главного редактора.

Я также сотрудничал с газетами «Аргументы и факты в Западной Сибири», «Московский комсомолец – Югра», с местными телерадиокомпаниями и некоторыми другими СМИ. Ещё в 1994 году был принят в Союз журналистов России. Несколько раз избирался в правление городской журналистской организации, некоторое время был заместителем председателя правления. Много раз становился победителем и призёром журналистских конкурсов. Дважды получил приз «Серебристая сорока». Я с детства увлекался фотографией и, работая в «Вестнике», нередко сам делал фоторепортажи к своим газетным материалам.

В то же время продолжал писать стихи, фантастические, а затем и реалистические рассказы, которые публиковались в сургутских газетах «К победе комму-

низма», «Нефть Приобья», «Вестник», «Мы вместе», «Северный дом», в журнале «Сургут» и в альманахе «Сургут литературный». Появлялись публикации в окружном журнале «Югра», альманахе писателей Югры «Эринтур», в областных газетах «Тюмень литературная», «Тюменская правда» и в центральных периодических изданиях: «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Российский писатель», «Литературная Россия», «Наш современник» и в некоторых других.

За время жизни в Сургуте издал шесть авторских сборников стихотворений: «Куда улетают халеи» (1996 г.), «За час до рассвета» (2001 г.), «Возвращение» (2006 г.), «Поэзия космоса» (2011 г.), «Хвойный край с просветами берёз» (2013 г.), «Рифмы ускользящих мгновений» (2013 г.). Вышло в свет также два сувенирных фотоальбома – «Сургут» (2006 г.) и «Апрели Севера» (2008 г.) – с моими стихами. Некоторые стихотворения вошли в фотоальбом «Сургут на рубеже веков» (2000 г.) и в коллективные поэтические сборники «Праздник первого снега» (1996 г.), «Север России» (2004 г.), «Дивный свет прошедших лет» (2008 г.), «Там, где Иртыш обнимается с Обью» (2010 г.), «Край, где царствуют белые ночи» (2012 г.). За книгу «Хвойный край с просветами берёз» в 2014 году я получил литературную премию губернатора Югры.

Издал две книги фантастической прозы – «Ложная дверь» (1993 г.) и «Изнанка мира» (1999 г.). В них вошли произведения: «Зал ожидания», «Ложная дверь», «Жизнь внутри», «Изнанка мира, или путешествие во снах», «Точка возврата» (впервые опубликовано в «Вестнике» под названием «Уйти, чтобы вернуться»), «Фобос», «Дело о чёрном чемодане».

Издавать книги мне помогли городская и районная администрации, «Сургутгазпром», издательство «Северный дом» и редакция газеты «Вестник»; но больше всего – районная администрация, особенно, когда её возглавлял Дмитрий Васильевич Макущенко.

В газетах «Нефть Приобья», «Вестник», «Мы вместе» и в сборнике «Бульвар писателей» публиковались также небольшие фантастические рассказы: «Чужие игры», «Песчаный демон», «Пленники Эльгара», «Чёрт», «Когда остановилось время», «Сумасшедший», «Руслан», «Нечто из снов». Отдельным изданием вышла пьеса «Дело о чёрном чемодане» (2002 г.), созданная на основе одноимённого рассказа. Самое большое фантастическое произведение «Путь из Запеделья» размещалось в Интернете, но по ряду причин издано не было. В Сургуте впервые был опубликован также курортный детектив «Одинокая женщина на пустынном пляже» (2004 г.).

В периодических изданиях я опубликовал ряд произведений реалистической прозы: повести «Киоскёрша с улицы поэта» и «Взвейтесь, соколы, орлами!»; рассказы «Псовая охота», «Француженка», «Специалист», «Японский саксофон», «Дорогая моя капуста», «Надежда» и другие.

В 2002 году после выхода трёх первых книг я вступил в Союз писателей России и стал участвовать в жизни Ханты-Мансийского отделения этой организации. А в 2012 году был создан фонд моих личных документов, фотографий, рукописей и публикаций в архивном отделе администрации Сургута.

Как журналист, я работал и в других, нехудожественных жанрах. Например, подготовил справочник «Сургутский район», изданный в 1998 году и в 2019 году оцифрованный Российской национальной библиотекой в Санкт-Петербурге. Вышло в свет также краеведческое издание «От Тром-Агана до Югана», в основу

которого был положен мой одноимённый очерк. Участвовал в работе над Энциклопедией Ханты-Мансийского автономного округа (2000 г.) в части подготовки энциклопедических статей о Сургутском районе и его населённых пунктах. В составе редколлегий и творческих коллективов принимал участие в подготовке ряда изданий краеведческого характера.

Доводилось много выступать перед читателями. В то время в обществе был большой спрос на литературу, и особенно на поэзию. Поэтому авторов часто приглашали в школы, в вузы, на предприятия и в учреждения. Я выступал и один, и совместно с другими поэтами. Как-то ещё в советское время участвовал в передаче областного телевидения. А когда в разных городах появились свои телекомпании, возможностей в этом плане стало гораздо больше.

Многие мои стихотворения неплохо ложатся на музыку, и помимо того, что я какое-то время сам сочинял песни, сургутский композитор В. Меркушин на мои стихи написал песню «Югра, как всегда, молода!», а композитор из посёлка Барсово М. Хасанов – песню на стихотворение «Сегодня в городе метель». Автором нескольких песен на мои стихи стал также В. Бурка из Белого Яра.

Во время пребывания в учебном центре МВД СССР в Туле я купил сборник скандинавской поэзии. И поскольку читать там времени особо не было, он на несколько месяцев стал для меня единственной художественной книгой для чтения. Скандинавская поэзия своей близостью к суровой природе и неспешной созерцательностью, наводящей на философские мысли, оказалась близкой к поэзии наших малочисленных народов Севера – видимо северная природа одинаково сказывается на мироощущении людей разных национальностей. Вскоре и у меня в Сургуте появились похожие стихи.

Входил я в редколлегию сургутской журналистской газеты «Мы вместе». Некоторое время был в составе редколлегии литературно-художественного альманаха «Сургут литературный». Вёл литстудию «Светоч» для начинающих литераторов при сургутском городском Доме журналистов. А с 2011 года до переезда из Сургута был координатором окружной писательской организации по Сургуту и Сургутскому району. Редактировал некоторые авторские и коллективные поэтические сборники, был составителем книги «Север России».

Ну, а как лектора-искусствоведа меня тянуло к живописи. Правда, рисунок у меня всегда был плохим, но мне нравилось работать с красками. Даже свои картины, выжженные на дереве, я покрывал акварелью, которая впитываясь в деревянную поверхность, сохраняла её фактуру и, в то же время, придавала изображению разные оттенки.

Словом, творческая жизнь в Сургуте была ключом. А была ещё и общественная жизнь. Теперь остаётся только удивляться, как на всё это хватало сил и времени.

В годы работы в «Сургутнефтегазе» я входил в состав Комитета народного контроля объединения. Позже, уже работая в «Вестнике», года два был народным заседателем в районном суде. Входил в состав нескольких межведомственных советов при главе района. Был также членом Общественного совета при ОМВД России по Сургутскому району. А в первые годы жизни в Сургуте читал лекции по линии общества «Знание».

За все свои старания я получил три благодарственных письма и Грамоту главы Сургутского района, грамоты Союза журналистов России и ОАО «Газпром», а также благодарственные письма и грамоты других учреждений и организаций.

И уже после переезда в Тюмень, в 2017 году получил Благодарность директора Департамента ХМАО-Югры за значительный вклад в развитие культуры округа.

Тем временем Сургут рос на глазах, и за три десятилетия превратился в большой, красивый благоустроенный город, которому я посвятил немало своих произведений.

У нас с женой там было множество друзей. Но постепенно они выходили на пенсию, и многие покидали северный край. Однажды мы с Ириной обратили внимание на то, что полдня гуляя по городу, не увидели ни одного знакомого лица. Мы решили, что это знак: пора и нам в дорогу.

ТЮМЕНЬ

В 2015 году я вышел на пенсию, и мы переехали на постоянное место жительства в Тюмень. Донбасс уже давно был за границей, к тому же там, по сути, шла война. Мы с женой посмотрели некоторые другие города, и в итоге решили остановиться на Тюмени. Но и с Сургутом связи не теряем, тем более, что там живёт и работает наш сын Андрей со своей семьёй.

Сначала в Тюмени было неуютно и пусто зато без привычной среды, не спасала даже дача. Только членство в Ханты-Мансийском отделении Союза писателей России как-то поддерживало, хотя Ханты-Мансийск теперь находится довольно далеко.

Но постепенно жизнь стала налаживаться. Во-первых, руководитель областной писательской организации Леонид Кириллович Иванов стал приобщать меня к разным литературным мероприятиям. А во-вторых, мы с женой вступили в благотворительный фонд «Ветеран Севера», возглавляемый Маргаритой Степановной Бондаревой, хорошо знакомой нам ещё по работе в Сургуте. Вообще, в организации, созданной бывшими сургутянами, оказалось много знакомых, как, например, Иван Калистратович Диниченко, которого я хорошо помню ещё со времён его работы в руководстве «Сургутнефтегаза», или наши с Ириной давние сургутские друзья Евгений и Галина Чердынцевы. Проводимые фондом «Ветеран Севера» праздничные и культурно-познавательные мероприятия, в которых мы стараемся активно участвовать, существенно разнообразят нашу жизнь на новом месте.

В Тюмени я продолжил писать, хотя сразу после переезда казалось, что написано уже всё. Первые полтора года по привычке публиковался в родном «Вестнике» – там выходили мои стихи, рассказы, заметки и фоторепортажи. Продолжились также публикации в «Эринтуре» (Ханты-Мансийск). В то же время мои стихи и рассказы появились в газетах «Тюменская область сегодня», «Омское время», в альманахах «Врата Сибири» (Тюмень), «Уральский меридиан» (Екатеринбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Александръ» (Москва). Стихотворения вошли в книги «Мы строили ТЭК» (2018 г.), «Комсомольская муза: ушедшим и живым» (2018 г.), в коллективный сборник стихотворений югорских поэтов «Всякий труд благослови, удача!» (2020 г.).

А в 2019 году в издательстве «Тюменский дом печати» вышел сборник реалистической прозы «Одинокая женщина на пустынном пляже», в который вошли произведения, написанные мной в разные годы и в большинстве своём публиковавшиеся ранее в периодике, а также – несколько рассказов, написанных уже в Тюмени.

На областном конкурсе «Книга года – 2019» это издание получило Диплом в номинации «Лучшая книга художественной прозы». А вошедший в этот сборник рассказ «Псовая охота» сделал меня серебряным призёром национального конкурса «Золотое перо Руси» (в номинации «Экология»), в котором помимо российских писателей приняли участие авторы из стран СНГ, Западной Европы, Ближнего Востока и с острова Куба, пишущие на русском языке. В 2019 году мои страницы появились на сайте «Электронная библиотека тюменского писателя».

В Тюмени я снова стал выступать со своими произведениями: в центральной областной и в некоторых других библиотеках, в литературно-краеведческом центре и в учебных заведениях. А Ишимская городская централизованная библиотечная система в разгар пандемии при участии Тюменской писательской организации организовала дистанционную встречу, в ходе которой я общался с её сотрудниками и читателями из рабочего кабинета в своей квартире.

Несколько раз я принял участие в видеопередачах, которые ведёт Л.К.Иванов. Однажды, позвонив мне, он спросил, могу ли я одеваться за сорок пять секунд. Я ответил, что, кажется, ещё могу. Оказалось, что участник очередной дистанционной передачи, которая должна была начаться через считанные минуты, не вышел на связь, и его надо было заменить. Сначала я немного растерялся, поскольку был абсолютно не готов, но быстро собрался, сосредоточился и, благодаря, в том числе, и опыту Леонида Иванова, у нас получилась интересная передача, что отметили даже в правлении СПР в Москве. Тогда же в прямом эфире Леонид Кириллович предложил мне провести семинар для членов литературных объединений области. Я согласился и вскоре провёл его, правда, в связи с пандемией, тоже дистанционно, в режиме онлайн. Иногда меня также привлекают к работе в составе жюри или в качестве эксперта в различных литературных конкурсах.

Ещё во время жизни в Сургуте у меня сложилось творческое сотрудничество с профессиональным художником из города Лянтор Андреем Комфом. Когда-то он иллюстрировал мой сборник «Поэзия космоса», а в 2019 году предложил мне написать стихи к его картинам. Так у меня в Тюмени появился новый цикл стихотворений «Картины Андрея Комфа», часть которых вошла в изданный в 2020 году художественно-литературный альбом, посвящённый творчеству художника.

Живя на Севере, мы с Ириной старались много ездить, побывали в четырнадцати странах Европы, Азии и Африки. Из поездок я всегда привозил очерки с фоторепортажами, новые стихи, а иногда и рассказы. И сейчас по мере возможности мы ещё стараемся куда-нибудь выбираться.

Словом, жизнь идёт своим чередом. Ну, а когда бывает грустно, я играю на губной гармошке, на которой можно разглядеть надпись «Made in Germani Democratic Republic». И когда я вижу эту надпись, невольно вспоминаю строчки из своего давнего, почти забытого стихотворения: «...Мне в чёрных окнах виден звёздный свет (а этих звёзд давно, быть может, нет)».

Дмитрий СЕРГЕЕВ.

Фотоснимки к очерку – на цветной вкладке.

*« Из лучших строф
моих десятилетий...»*

Стихи разных лет

Зимний сон

Гудит метель полночною порой,
Но ты спокойно спи, сомкнув ресницы,
И пусть тебе унылою зимой
Весенняя распутица приснится.

Пускай тебе приснится солнца свет,
Ручей, бегущий к речке в нетерпенье,
Вечерний час, когда метелей нет,
И звонких птиц раскатистое пенье.

Пусть лёгкий снег кружится на ветру,
Глубокими сугробами ложится,
Увидишь ты, проснувшись поутру:
Весна к тебе летит на колеснице.

1974 г.

Прощальное

Облетает листва,
попрощайтесь со мною, солдаты.
Что ж ты клён, старый друг,
неподвижен и снова молчишь?

Я меняю на степь,
на привычные белые хаты
Всю осеннюю грусть
островерхих готических крыш.

А над Эльбой туман
занавесил германские дали,
Так скрывает от нас
всё былое времён пелена,

Буду завтра уже
на далёком московском вокзале
Вспоминать о тебе,
незнакомая раньше страна.

1976 г.

Ожидание

Ты, наверное, ждёшь.
Остановка, окон мокрые стёкла,
Светофор, расплывчатый, блёклый –
На перроне дождь.

Силуэты, зонты.
Люди вдоль поезда топчут лужи.
Ну и слякоть! Бывает ли хуже?
Лица, руки, цветы.

Свет во мгле суеты:
Поступь быстрая, невесомая,
И глаза такие знакомые –
Это ты.

1980 г.

Свиданье

Сорвался снег. Февральский вечер.
Из окон льётся робкий свет.
Ещё квартал до места встречи,
Ну, кто сказал, что счастья нет?

Ну, кто сказал, что жизнь не вечна?
Снежинки пальцами ловлю.
Я верю в жизни бесконечность
И грустных мыслей не люблю.

Зима. Аллея. Место встречи,
Снег замечает зыбкий след...
Вдали рисует зимний вечер
Знакомый стройный силуэт.

1980 г.

Возвращение

Та же улица, те же дома,
Тополя, приодетые в иней,
И украсила вечер зима
Невесомую дымкою синей.

Смотрит окнами старый фасад.
Наяву это или мне снится?
Тот же дом, тот же двор, тот же сад,
А вокруг незнакомые лица.

1982 г.

Муза

Вездесущей молвы не боялась
И казалась колдуньей лесной.
Звонко пела, задорно смеялась,
Обещала вернуться весной.

А когда над садами смеркалось,
Говорила всегда о былом
И от жизненных стуж укрывалась
Чёрной ночи жемчужным крылом.

Не допела и не досказала,
Птицей канула в сизую даль.
Как игрушкой, судьбою играла,
Только мне недопетого жаль.

Одинокая иволга где-то
Вторит песни, да всё не о том,
И в багрянце осенних рассветов
Я бегу за растаявшим сном.

От земли, не пугаясь паденья,
В ожидании грядущей весны,
Отрываюсь я без сожаленья,
И сбываются вещие сны.

1985 г.

Гроза в степи

Когда во тьме блеснула вспышка,
Над головой протяжный гром,
Распространяясь дальше, выше,
Промчался диким табуном.

И часто в землю били стрелы,
Их свет казался ярче дня –
То демон злой, остервенелый
В ночной степи искал меня.

Он не из плоти был, он – марево
Из туч, из ветра и дождя,
Он хрипло в небе разговаривал,
Угрозы рокотом твердя.

И я подумал: «Дело скверно.
Он доберется до меня.
А где-то люди дремлют мерно,
Не видя страшного огня».

1985 г.

Письмо

Сентябрь деревья тронул позолотой.
Упала в травы первая листва,
Грустит камыш на отмелях болота,
И где-то гулко ухает сова.

Волнуют взор рябиновые вспышки –
Осенних дней приветственный салют.
Они могли б взлететь и вспыхнуть выше,
Но им тугие ветви не дают.

В заботах разных время коротаю,
С тоской смотрю на бледную зарю.
Ну, вот уже и птицы улетают,
А я с тобой лишь в письмах говорю.

Я в маленьком конверте посылаю
Грусть дремлющих берёз в ночной тиши,
Простор небес, курлычащую стаю,
И вместе с ними – часть своей души.

До холодов, до зимних проявлений
Мне будет медь лесов напоминать
Похожую на их наряд осенний,
Волос твоих спадающую прядь.

1987 г.

Шарманщик

Свежесть утра хороша,
Развернись-ка, пой, душа!
Во дворе стоит шарманщик,
Крутит ручку, не спеша.

Из высокого окна
Смотрит ласково она,
У неё глаза сияют,
И в душе царит весна.

Угасает ясный день,
И легла на дворик тень,
А шарманщик всё играет –
Для неё играть не лень.

Крутит ручку, не спеша.
Ах, девица хороша!
Ничего, что у красотки
Нет, как видно, ни гроша.

1987 г.

Воспоминание

Чёрная ворона на заборе,
Призрачные тени на снегу.
А певица пела мне о море
И о днях на крымском берегу.

Бередила старая пластинка.
Всё прошло, и жизнь уже не та.
А в глазах поблёкшая картинка
Обретала прежние цвета.

Шелестели волны белой пеной,
Отражалась в море бирюза,
И смотрели так самозабвенно,
Словно ночь, бездонные глаза.

Отсверкали радужные блики,
На песке растаяли следы.
И воспели чайки дружным криком
Южный рай из солнца и воды.

Отзвучала песня, запинаясь.
За окном земля белым бела.
Над снегами, плавно поднимаясь,
Распластались чёрных два крыла.

1988 г.

После нас

Сколько ж нам учиться, чтобы видеть
Суть явлений в профиль и анфас,
И в каком земля предстанет виде,
Тем, кто остаётся после нас?

Как-нибудь под утро выйдешь с внуком,
Показать ему пожар зари,
А вокруг такая боль и скука:
Пни, канавы, камни, пустыри.

Наших славных дел скупую прозу
Ты прочтёшь, насколько хватит глаз,
Скажешь внуку: “Здесь росли берёзы”
И поправишь свой противогаз.

1990 г.

Весна в Сургуте

Весна в Сургуте – северный каприз,
В ней, как всегда, весеннего не много.
Ты кофе пьёшь, отчитываешь бога
И сквозь двойные стёкла смотришь вниз

На серое остеклененье луж,
Вчера ещё морщинистых от ветра,
Здесь, с высоты примерно восемь метров,
Взглянув, промолвишь «да-а» с добавкой «уж».

На ближнем плане чахнувшая ель,
На дальнем – островки бывшего бора,
В три четверти кинотеатр «Аврора»
Похож на судно, севшее на мель.

Ещё ни разу не было дождя,
Не говоря о молниях и громах.
Из-за угла изогнутого дома
Метёт позёмка улицей вождя.

Ты медленно задёргиваешь даль,
Упрятав интерьер за занавеску,
И в свете бра, похожая на фреску
С мадонною;
читаешь «Жерминаль».

1992 г.

Жанна

Глаза с хитринкой, брючки узки,
Витой браслетик на часах,
И в тон сиреневенькой блузке
Был бантик в рыжих волосах.

Она приехала на лето.
Любила чёрный шоколад.
И оставляла без ответа
Мои вопросы невпопад.

Носила серьги, кольца, броши,
Чем злила местных стариков.
Любила волосы ерошить
И целовать до синяков.

На память ленточка осталась,
И ярко видится одно:
Как, нежно глядя, улыбалась
Она в вагонное окно...

1994 г.

Эскиз

Ты со мной гуляешь вдоль прибоя,
Небо разукрашено закатом,
Волны след стирают за тобою
Шелестящим медленным накатом.

Отблеск солнца красит что встречает.
Вспоминая, вижу как теперь я:
Над водой кружится пара чаек
И роняет розовые перья.

1996 г.

Метель

Сегодня в городе метель,
Трепещут сосны, гнётся ель,
Едва заметны фонари,
Всё смутно, сколько ни смотри.

Меня домой ведёт тропа,
Она чуть шире, чем стопа,
А снег по-прежнему валит
На Чёрный Мыс и Арболит,

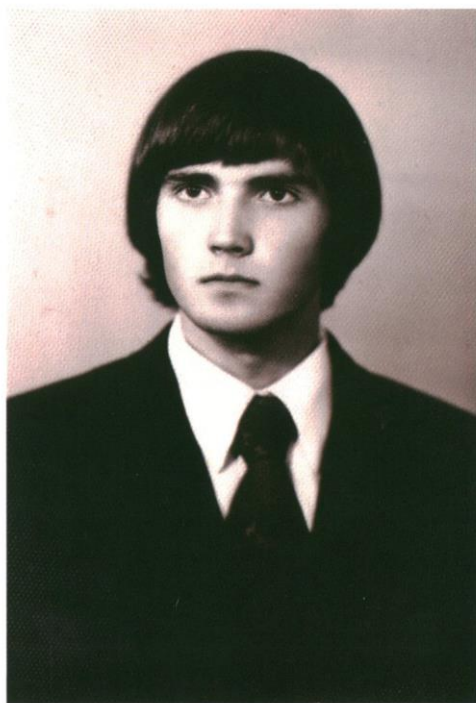
На Набережную, на храм,
Недавно выстроенный там.
Я будто в снежном шалаше,
Но как-то радостно душе,

И в такт шагам она поёт.
Метель метёт! Метель метёт!

1997 г.

На службе в ГСВГ. 1976 г.

Мне 20 лет. 1977 г.

Отец Алексей Никитич и мама Валентина Петровна на острове Шумиу. 1954 г

«Яростный стройотряд». 1978 г.

В парашютной секции ДОСААФ. 1979 г.

На музейной практике во Львове. 1980 г.

В сургутском кафе с женой Ириной. 1996 г.

*Фото с Доски почёта
в отделении милиции. 1987 г.*

*С сыном Андреем
и его семьёй в Тюмени. 2020 г.*

С близкими родственниками в Ясиноватой. 2008 г.

*С сургутскими поэтами в Центральной библиотеке г.Сургута.
Конец 90-х годов прошлого века.*

Глава Сургутского района Д. В. Макущенко и начальник управления по работе с поселениями и связям с общественностью районной администрации М.С. Бондарева поздравляют с 50-летним юбилеем. 2006 г.

В Сургутской школе каратэ кёкусинкай с А.В.Коваленко и А.И. Танюшкиным. 2009 г.

В редакции газеты «Вестник». 2013 г.

В Сургутском доме журналистов с коллегами-журналистами. 2013 г.

С членами фонда «Ветеран Севера» на экскурсии по Тюмени. 2016 г.

С ветеранами Севера под флагом г. Сургута. 9 мая 2017 г.

С женой Ириной в Москве в день получения Диплома и призов национального конкурса «Золотое перо Руси». 2019 г.

С руководителем Тюменской областной писательской организации Л.К. Ивановым и тюменским писателем В.П.Огородниковым во время творческой поездки в с. Казанское. 2020 г.

Зима в Лянторе

На полотне холодного простора,
Дрожа, восходит яркая звезда.
Крадётся тьма окраиной Лянтора,
Опасливо скользя по глади льда,

Укрывшего недавно воды Пима.
Сжимаются пределы зимних дней,
И наплывает ночь неотвратимо,
И тонет город в россыпях огней.

1997 г.

Сургутской Авроре

На морозе, полуобнажённая,
Держишь ты в руке пустой кувшин,
Догорает небо, отражённое
В стёклах проезжающих машин.

Не взлететь. Напрасно крылья вскинуты
Тенью в электрических свечах,
Просто ими прикрываешь спину ты,
Давний снег не тает на плечах.

Сник закат багряный. Месяц молод, но
И ему придётся отгореть.
Ты не мёрзнешь – бронзовой не холодно,
Только зябко на тебя смотреть.

1997 г.

Весенним днём

Днём весенним, белым-белым,
Не по времени холодным,
Ты с ладошки кормишь белок,
Боязливых, но голодных.

Подкрепиться белкам надо,
С веток вниз они сползают,
Ты зверькам по-детски рада,
Только пальцы замерзают.

1997 г.

Охота на собак

За кустом таится что-то,
В тишине крадётся кто-то,
И ногами на болотах
Раздаётся жуткий вой,
Или слышны шумы драки –
Это всё отнюдь не враки:
Одичалые собаки
Бродят возле буровой.

По следам большим оленьим
Со всех ног бежать не лень им,
Остаются от оленей
Лишь копыта да рога.
Вот такие псовы трюки –
Не даются звери в руки,
Человек, конечно, друг им,
Но свобода дорога.

Пусть не нужен личный страж нам,
Всё равно немножко страшно.
Может, псы всего мираж, но...
Лучше двери – на засов.
Это случай не забавный,
Приказал наш местный главный,
И отряд собрался славный
Отстрелять коварных псов.

Невесёлая работа
Эта странная охота.
Не смогла бы даже рота
Стаю разом истребить,

Ведь собака точно знает,
Что у нас, людей, бывает,
Что играет, что стреляет
И чего не может быть.

Над тайгою сумрак тает.
Стая словно улетает,
Но лохматый, что хромает,
Вдруг метнулся не туда.
Подкачала сила духа,
И влетела пуля в ухо,
Как проруха на старуху,
Так на рыжего – беда.

Не за ним лишь смерть явилась,
Белая остановилась,
Диким воем закатилась:
Жалко рыжего до слёз.
И стояла в бледном свете,
С горя даже не заметив,
Как осенний влажный ветер
Семь дробинок ей принёс.

Дальше людям нет дороги,
У погони вязнут ноги,
И охотники в итоге
Все повесили носы:
Не достать теперь. Чего там...
Всё прошло бы, как по нотам,
Но уходят по болотам
Недострелянные псы.

1998 г.

Церковь в Сайгатинной

В деревне выросла церквушка
Морозной раннею весной,
С крестом на купольной макушке,
И пахнет свежеею сосной.

Стройна, с двускатной светлой крышей,
Нет краше здания окрест.
Деревня сразу стала выше
На целый купол. И на крест.

1998 г.

В старом парке

В сиянье звёзд небесного Пегаса
Стремился вечер к ночи поскорей.
В манящих складках синего атласа
Блуждали блики томных фонарей.

Она не шла, плыла над тротуаром,
И музыка звучала с высоты.
Благоухали в парке нашем старом
На сонных клумбах белые цветы.

Был вечер свеж, а чувства наши – зыбки,
Она была безжалостна в словах,
Скрывая тень язвительной улыбки,
В своих красивых чувственных губах.

Она то сердцем таяла, то злилась,
То задавала каверзный вопрос,
И при движениях с плеч её струилась
Волна пшеничных вьющихся волос.

Восток светлел малиновым окрасом.
Обиды, ревность, мнимые грехи
Умчались вскоре в небыль за Пегасом,
Но сохранились письма и стихи.

1999 г.

Начистоту

Не смотри так, будто я прозрачный,
И поспешно взгляд не отводи.
Правда лучше, чем неоднозначный
Адюльтер без света впереди.

Говорят, что сердцу не прикажешь.
И тебе ему не приказать.
Не тревожься: будет, как ты скажешь,
Только надо честно всё сказать.

Без любви судьбу не приголубишь.
Ложным чувством можно лишь разбить.
Счастье будет, если ты полюбишь,
Только надо искренне любить.

1999 г.

Откровение

Жизнь порой неистово любила,
А порой безжалостно лгала,
Изгалялась, пестовала, била,
Словом, обходилась, как могла.

Многие давно себя изжили
В беспросветных суетных делах,
И иные головы сложили
За набор стандартных бранных благ.

Но из прорвы канувшего в Лету
Яркой вспышкой видится во мгле:
Старый снимок в рамке, краски лета
И букет фиалок на столе.

2000 г.

Урман

Между бурых болот заплутала тропа,
Уводя в неизвестность.
В дымке палевой город бесследно пропал,
Стала сумрачной местность.

Там, в лесной полосе, где бродил я один
Вдоль болотной трясины,
Гас пунцовый закат, блёкли гроздья рябин,
Облетали осины.

А с побережья реки, где теснился урман,
Сохранявший убранство,
По траве набегал синеватый туман,
Пожирая пространство.

Из клубящейся тьмы донеслись голоса,
Холодящие вены,
Будто в дальних, густых, непроглядных лесах
Звонко пели сирены.

Я пошёл напролом – вдруг затихли они,
И тумана не стало.
Меж деревьев уютно блестели огни
Городского квартала.

Но всё чудилось мне в полуночной поре,
Как в объятьях дурмана, –
То ли шорох дождя, то ли пенье сирен,
То ли шёпот урмана.

2000 г.

Настроение

Стада машин, бредущие в час пик
По перекрёсткам, нагоняют скуку.
Снег на обочинах скукожился и сник,
Вдруг вздрогнет почва, повинуюсь звуку,

Что гулко задаёт привычный ритм –
То в мёрзлый грунт вколачивают сваю,
Унылый диск над улицей горит,
На поиск гонит голод птичью стаю.

Так долгою зимой из года в год
Уходит жизнь по скользким тротуарам.
Так десять лет, и двадцать лет пройдёт,
И станет опостылевшим и старым

Вот этот дом, дорога, город весь,
И хочется до истечения срока
Упрятаться в какую-нибудь весь,
Крапая сокровеннейшие строки,

Которым не явиться в суете,
Что постоянно источает город.
И мнится: вот родятся строфы те,
Которые способны сдвинуть горы.

Но выжат день. Один из тысяч дней.
Поток машин редееет. Вбита свая.
Крадётся тьма вдоль улиц, и за ней
Грядёт метель, сердито завывая.

2003 г.

Сказка теней

Трели цикада выводит в тиши нам.
Ты больше не улыбаешься мне.
Лишь за окном проезжает машина –
Тени деревьев бегут по стене.

Всполохи фар в темноте на мгновенье
Высветят лица унылые, но
Наши с тобой отдалённые тени
В беге сплетаются в нечто одно.

Видно, судьбе наших мук не хватает,
Но то и дело смеётся над ней,
Сумрачных два силуэта сплетая,
Добрая сказка театра теней.

2003 г.

Девушка и смерть

Февраль подвёл зимы итоги,
Но люди – в шубах и в пальто.
В сугробе сникшем, у дороги
Стоит разбитое авто.

Толпа. Вопросы, кривотолки,
Советы – всё, как повелось.
Стекла блестящие осколки
Вплелись в бесформенность волос.

Зачем ты, милая, спешила,
Не соблюдая нужный ряд.
Наверно, ты ещё не сшила
Свой белый свадебный наряд.

Недавно страстно сердце билось.
Теперь стекает кровь со лба.
Так рано смерть к тебе явилась
У придорожного столба.

Как прежде, светел взгляд застывший,
Но нем полуоткрытый рот.
И, состраданье проявивший,
Уныл, расходится народ.

Так впечатлений тяжких много,
Что лучше было не смотреть.
Весна. Промозглый день. Дорога.
Машина. Девушка. И смерть.

2003 г.

В Каталонии

Ярким светом льётся солнце
На счастливых каталонцев.
Барселона, пальмы, горы,
Море, яхты, паруса,

Музыкальные фонтаны,
Гауди (довольно странный),
Виноградников просторы
И другие чудеса.

О проблемах не хлопчешь,
В ресторанах – всё, что хочешь:
Вина, пиво, водка, виски,
Крабы, раки и треска.

Не придумать отдых лучше,
Но в итоге всё наскучит,
И мрачней болот сибирских
Станет южная тоска.

2003 г.

Графика

Я в межсезонье
раньше
на юге не был.

Жизнь в эту пору
блёлка,
но не грустна.

Зимнее море
кажется
частью неба,

Женщина в зимнем
кажется
частью сна.

Снег то растает,
то снова
несмело ляжет.

Волны уносят
рифму
моей строки.

Серых крикливых
чаек
на белом пляже

Женщина в чёрном
кормит
почти с руки.

2004 г.

Провинциалка

Она глядит в окно на старый дом,
На ямы и колдобины дороги
И с отвращеньем думает о том,
Что здесь она состарится в итоге.

В их городке давно стоит завод,
Что сделалось приметой постоянства,
И, кто на здешних улицах живёт,
Впадает в разрушительное пьянство.

А светлой перспективы просто нет.
Вся жизнь пройдёт на грядках жалкой
сотки...

Но зеркало, роняя зыбкий свет,
Рождает образ девочки-красотки.

И, обнажив изящный абрис плеч,
Она вставляет в волосы заколку.
Такая может всякого завлечь.
Как хороша! Пленительна! А толку?

Ведь красота дана, как божий дар,
Не только для того, чтоб любоваться.
В конце концов, на свете всё – товар,
Что может хоть за сколько продаваться.

Туманят разум мысли день-деньской
И манят в лучезарную столицу –
Там можно заработать на Тверской
И, как мечтала, съездить за границу.

И в сердце жар, и кругом голова,
А по ночам, заманивая, снится
Тщеславная, вальяжная Москва –
Царица вымирающих провинций.

Вот из неё пришла благая весть.
Прощайте, униженье и лишенья!
Нет, можно передумать – время есть,
Но принято последнее решенье.

«В Москву! В Москву!» – выводит стук колес,
И жизни перевернута страничка:
В Москву! В Москву! – Не надо глупых слёз –
Её навек увозит электричка.

2004 г.

Память о Париже

В городе Золя, Саган и Сартра
Ты, с глазами неба голубей,
На широкой лестнице Монмартра
Кормишь суетливых голубей.

Постигая вечное воочию,
Пропадаем в Лувре и в д'Орсэ,
Огненная башня яркой ночью
Нежится во всей своей красе.

Нас качает Сена, и всё ближе
Эклектично сложенный Нотр-Дам –
Я за эту память о Париже
Многое, наверное, отдам.

Светел Сакре-Кёр на горизонте
За рекой с браслетами мостов.
У тебя в руках изящный зонтик
И букет оранжевых цветов...

2004 г.

Адриатика

Ночь близится, и солнце закатилось.
Над Адриатикой тускнеют небеса.
Малиновые отблески светила
На лёгких яхтах красят паруса.

А острова стоят, как великаны.
Вдали уже мерцают маяки,
Чтоб, посетив невиданные страны,
В родной свой порт вернулись моряки.

И, словно нет нигде ни бурь, ни горя,
Забылся мир в цветном недолгом сне.
И тихо фиолетовое море
О чём-то сокровенном шепчет мне.

2007 г.

Половодье

Холодную весной седьмого года
Сходили долго вешние снега.
Куражилась капризная погода,
И реки заливали берега.

В воде стояли сосны и берёзы,
Гнал ветер по Югану буруны.
А ночью доходило до морозов,
Никто не помнил здесь такой весны.

Вставало тяжело пасмурное утро,
Речная гладь светлела впереди,
И видел я затопленные юрты,
Там катер меж лабазов проходил.

У самых волн внезапно обрываясь,
От берега в тайгу вела тропа.
Сплошным потоком с неба низвергаясь,
В ветвях шуршала снежная крупа.

А в глубине промокнувшего леса
Нашла приют хантыйская семья,
Стоял шалаш и печка под навесом,
Вокруг белела влажная земля.

Не стало зверя, щука не ловилась –
Какая ловля в дни такой воды?!
И под навесом тускло серебрилось
Три окунька на дне сковороды.

Хозяин был невесел, но спокоен,
Нечасто он привык гостей встречать,
Смутившись, что визита удостоен,
Стал на вопрос приезжих отвечать:

«У нас сейчас не всё, конечно, гладко,
Но, если честно, – некогда тужить...
Что, привезли солдатскую палатку?
Спасибо. Это кстати. Можно жить!»

Редели тучи, в водах отражаясь,
Гостей хозяин к судну проводил
И, речь о наболевшем продолжая,
Он по-житейски просто рассудил:

«Не выбирать нам лучшую погоду,
Какая есть – такую принимай!
А все невзгоды скоро канут в воду».
Была весна. Кончался месяц май.

Промозглый день сменял холодный вечер.
Флаг над кормою ветер теребил,
Катились волны чёрные навстречу,
И катер в серый сумрак уходил.

2007 г.

Моя строка

Как хорошо, когда строка свободна,
Когда её не ломит и не гнёт,
Когда претит, что выгодно и модно
И не терзает злобы тяжкий гнёт.

Однажды я пришёл из ниоткуда
И возвращусь в итоге в никуда.
Но пусть звучит строка моя покуда
Не истекут последние года.

2007 г.

Миранда

Ты одна из маленьких планет
На задворках Солнечной системы,
Но тебя заманчивее нет,
Бриллиант космической богемы.

Так непросто всю тебя познать,
Что ни грань – то новое обличье.
Как смогла во тьме холодной стать
Ты своих подружек необычной?

Господин твой всем царям под стать –
Ты с Ураном кружишься в обнимку.
Жаль, всего не смогут рассказать
О тебе и сотни фотоснимков.

2008 г.

На Луне

На Луне, в безвоздушном просторе
Нет природы ожившей даров,
И с морями земными не в споре
Вечно тихое море Паров.

Даже поздней порой, на закате
Солнце пламенем жарким горит,
Тени прячутся в дремлющий кратер,
Где упал крупный метеорит.

Стали тёмными лунные горы,
Звёзды вниз, не мигая, глядят –
Там, в пыли, молчаливым укором
Луноходы в забвенье стоят.

В небе чёрном Земля ярко блещет,
Льётся в космос лазоревый свет,
А над морем Дождей дождь не хлещет,
Да и моря там, в общем-то, нет.

2008 г.

Звёзды над крышей

Жаль, что нельзя подняться выше
В малоэтажном городке,
И мы сидим на тёплой крыше,
А я держу бинокль в руке.

В него глядим поочерёдно
На ярко-жёлтую луну.
Свежо. И дышится свободно,
И не склоняет ночь ко сну.

Потом, откинувшись на спины,
И в небо взгляды устремив,
Мы погружаемся в пучины,
К далёким звёздам воспарив.

Мы ничего вокруг не слышим,
Летим, не чуя рук и ног.
А вниз, шурша, скользит по крыше
Отцовский старенький бинокль.

Ночами часто красовались
Над крышей звёзды и луна,
Промчалось лето. Мы расстались,
Испив свой звёздный ковш до дна.

Идут года, бывшее тает.
Давно то время истекло.
О нём теперь напоминает
Бинокль, утративший стекло.

2008 г.

Заграница

Здравствуй, дорогая заграница,
Край пирамидальных тополей.
Здравствуй, пролетающая птица
Над короткой улицей моей.

Так хотелось с детства юркнуть в поезд,
Да уехать в дальние края.
И уехал. Что ж это такое?
Все друзья на родине. А я?..

Впрочем, мне от этого не хуже.
Мир мой беспределен и богат
Я тайге сибирской, зимней стуже
И степям бескрайним тоже рад.

Для души свободной нет границы,
Мчатся дни, уносятся года,
Улетают, прилетают птицы,
Я за ними вслед лечу сюда.

Выхожу с поклажею из дома,
На втором пути, на склоне дня
У платформы издавна знакомой
Скорый поезд снова ждёт меня.

2008 г.

Наш край

Здесь топки болота,
а воды здесь буры.
Как в древо долота,
вгрызаются буры
В глубины земные,
хранящие вечность.
И трубы стальные
дают быстротечность
Тем сокам глубинным,
что движут машины.
И в крае старинном
к эпохе вершинам
Идут из забвенья
сквозь годы труда
Глухие селения
и города.

2008 г.

Вьюга

Шумит под порывами ветра тайга,
И вьюга вокруг одинокой избушки
Кружит, завывая. Ложатся снега
Огромной, пушистой и мягкой подушкой.

В сгустившейся мгле вязнет времени бег.
Деревья ветвями пространство колышут.
Сугроб громоздится под самую крышу,
И жёлтый свет окон сочится сквозь снег.

2008 г.

Мороз

Дети не пошли сегодня в школу,
Во дворе не видно никого.
На снегу лежит замёрзший голубь,
Льдом покрылись крылья у него.

Мёрзнут безгаражные машины,
Я свою сейчас не заведу.
Вечер за сосновые вершины
Закатил озябшую звезду.

Снег скрипит привычно под ногами,
Сквер похож на выцветший макет.
Со столба фонарик-оригами
Уронил на землю бледный свет.

Утопает город в дымке зыбкой,
Тают мутноглазые дома.
И глядит с недоброю улыбкой
На меня холодная зима.

2008 г.

Затмение

Диск пожирает светящийся круг,
Странно природа молчит, как немая,
Ветер холодный срывается вдруг,
В воздух песок вдоль дорог поднимая.

Лунная тень создаёт полумрак.
В тёмных ветвях притаилась ворона,
Больше не видно ни птиц, ни собак.
Ободом светится Солнца корона.

Над затаённой землёй не спеша,
Не отразившись в погасших оконцах,
Матово-чёрный смещается шар,
Освобождая пленённое солнце.

2010 г.

Ноябрьский вечер

Застыли у причалов корабли,
Их звёздный час не скоро повторится.
Луна над тёмным лесом золотится –
Ей никуда не деться от Земли.

Шёл снег сегодня утром, а теперь
Царит такая ясная погода!
Как будто отворилась в космос дверь,
И лик Вселенной смотрит с небосвода.

А сверху виден тёмный лёд Оби
И белоснежный полог редколесья.
Средь этих далей, сколько ни зови,
Ответит только эхо в поднебесье.

2012 г.

Отпуск на острове

Хайнань пестрел обилием цветов,
Блистал залив, в ветвях резвились птицы,
Великолепье южных островов
На Севере нам может лишь присниться.

Шумел прибой вдали от грустных дум,
Где жарки дни, а ночь темна, как сажа.
Где добрый врач по имени Вандун
Открыл мне суть китайского массажа.

Пленял красой тропический простор,
Вокруг порхали бабочки, стрекозы,
И в окруженье пальм и дивных гор
Не вспоминались обские морозы.

Санья – брильянт хайнаньских городов,
Стеклянными фасадами играя,
В галопном ритме прожитых годов
Стал райским местом южного Китая.

Он открывал объятия аллей,
То рвался вширь, а то тянулся узко,
Манил нас в мир реклам и фонарей,
Где привлекали вывески на русском.

Не раз он иноземцев удивит,
Им будет сниться многими годами:
Морской залив и бледные на вид
На пляже китайянки под зонтами.

2012 г.

Аллюзия

В одно мгновенье зыбкий антураж
Померк и сник, украв у нас пространство.
Был мрачен обесцвеченный пейзаж, –
Природа не приемлет пуританства.

Не стало неба. Впрочем – и земли.
Снег тихо повалил из ниоткуда.
Исчезло всё – и рядом, и вдали –
Фантазм под стать картинам Голливуда.

И сделав шаг неведомо куда,
Мы затерялись в параллельном мире.
И там, как дивный сон прошли года.
И мы очнулись в старенькой квартире.

Ты поливала яркие цветы,
Украшившие серый подоконник,
А солнце, проливаясь с высоты,
Отсвечивало нимбом на иконе.

Я подошёл к открытому окну:
Листва шуршала, день клонил к закату,
Нам жизнь дарила новую весну,
И было всё, как прежде, как когда-то...

2013 г.

Весной на Сайме

На Сайме ветер. Сыро, неуютно
В тисках урбанистической среды.
В древесных кронах птицы не поют, но
Так много стало солнца и воды!

А значит, за лесами бродит лето.
И на реке потрескивает лёд.
И стаи птиц в краях далёких где-то
Отправились в весенний перелёт.

Вот стало тише. Парк на время замер.
Лишь хвойный шёпот слышится
слегка.
А город смотрит синими глазами,
Как уплывают к югу облака.

2013 г.

Кносс

Картину я купил в Ираклионе,
На ней написан зыбкий, как мираж,
Мазками серебра на чёрном фоне
Архитектурный греческий пейзаж.

Там полный диск луны взошёл над миром,
И блики света вырвали из тьмы
Дворцовый комплекс древнего кумира,
Во мрак упрятав горы и холмы.

Стоят в строю колонны, как солдаты,
Среди камней, фундаментов и стен,
Где было царство славное когда-то,
До грянувших однажды перемен.

Дворец в ночи, как миг воспоминаний,
Как невзначай скользнувший беглый взгляд,
Он – символ исторических исканий,
Воздвигнутый так много лет назад.

На полотне серебряные блики
Не гаснут. Но сильны ветра времён.
И остаются от эпох великих
Развалины, да отзвуки имён.

2013 г.

Осенняя грусть

Не ходи ты за мной по болотам,
Неотступная тихая грусть.
Мне б – на родину, нынче тепло там.
Здесь же завтра мороз – ну и пусть!

Ведь судьбу свою не выбирают.
Я, как все, в этой жизни лишь гость.
Наклоняясь к земле, набираю
Кислой клюквы рубиновой горсть.

Обхожу порыжевшие кочки,
Под ногами сочится вода.
Словно ямба короткие строчки,
Пролетели в Приобье года.

Пронеслись, промелькнули: да что там!..
Всё, что прожито, было не зря.
Что ж ты бродишь за мной по болотам,
Золотая тоска сентября!

2013 г.

Во дворе

Во дворе моём в квадраты окон
И на стаю взмывших голубей
Зимний вечер смотрит красным оком
Сквозь узор берёзовых ветвей.

Облетела огненная роща,
Сразу двор остыл и побелел.
Вырубить берёзы было проще,
Но застройщик рощу пожалел.

Здесь теперь на тонких гибких ветках
Вьют гнездо сороки по весне.
Знаю, буду я потом нередко
Видеть двор с берёзами во сне.

Не зажглись ещё напротив окон
Огоньки далёких ярких звёзд.
Вот и дремлет месяц одиноко
На ветвях раскидистых берёз.

2013 г.

Портрет с цветами

Помнишь, наше донецкое лето?
Чудный день подарила мне ты.
И с тобой затерялись мы где-то
Вдалеке от людской суеты.

Ветры весело в травах играли,
С неба лился оранжевый свет.
Мы с тобою в степи собирали
Разноцветья неброский букет.

И пока не утратил он влагу,
Вместе с ней также форму и цвет,
Я его перенёс на бумагу,
Рядом с ним написал твой портрет.

И теперь у меня в кабинете
До конца отведённых мне лет
Будет нежиться в солнечном свете
Из донецкого лета привет.

2013 г.

Четырнадцатый

Слышатся грохот и гул в небесах что ни день,
Птицы молчат, не слышны колокольные звоны.
Кажется, в этом краю поселились драконы,
Те, что сжигают и степь, и дома деревень.

Странно, что солнце по-прежнему утром встаёт,
Смотрит на травы, густым закопчённые дымом.
Многим теперь не живётся в селенье родимом,
И по ночам под гармонь здесь никто не поёт.

2014 г.

Перемирие

Спят степные города,
Но некрепко и тревожно,
Ведь поверить невозможно
В то, что мир здесь навсегда.

Не горят нигде огни.
Мрачны абрисы развалин.
Сильным взрывам тополь свален –
Здесь прошли лихие дни.

Непривычно пуст вокзал,
Поезда давно не ходят.
Вот и осень на исходе,
Но безжизнен главный зал.

Только месяц в небесах,
Как и прежде, бодр и светел,
И в его холодном свете
Стынут стрелки на часах.

2014 г.

Граница

...А города из детства больше нет.
Он и ночами в чёрном цвете снится.
Из окон в сумерках не льётся яркий свет,
Лишь пепел на сухом ветру кружится.

Дворы пустеют. Кто сумел, бежит.
Сидеть в подвалах вечно невозможно.
Теперь спокойно дня нельзя прожить –
Ведь даже если тихо, то тревожно.

Разбитый дом. Разрушенный базар.
На фоне солнца абрисы развалин.
А где недавно буйствовал пожар,
На серых стенах – живопись опалин.

Те, что остались, время торопя,
Надеются: бывшее возвратится.
Но пролегла по судьбам и степям
Невидимая страшная граница.

2015 г.

Суперлуние

Такая ночь приходится одна
На целый год. И это не случайно.
Восходит в небе яркая луна,
Она сегодня сверхнеобычайна.

Она сегодня ближе, чем всегда,
И цветом, словно в зареве заката.
Багровой быть не стоит ей труда –
В окрасе атмосфера виновата.

Луна ведёт с дневным светилом спор,
На небосводе хочет быть иною.
Обидно ей, что люди с давних пор
Зовут её кровавою луною.

2015 г.

В НОВОЙ ЖИЗНИ

Я живу, по-нашему, на юге,
В городе с названием Тюмень.
Мне близки снега, морозы, вьюги
И дымы сибирских деревень.

Знаю этот край не понаслышке,
Ездил даже в дальний Салехард.
Помню буровые наши вышки,
Плеск Оби и скрип хантыйских нарт.

Маялся в машинах и вагонах,
Обо всём писал в своих статьях.
Помнится, скучал на перегонах,
Плыли за окном Сургут, Пыть-Ях...

И в итоге, кажется, проехал
Все пути, отмерянные мне.
Но поэту годы – не помеха:
Вновь пишу о звёздах и луне.

2016 г.

Грустное

Жизнь отнимает годы безвозмездно.
Мой дом – из брёвен, с мебелью простой,
А за окном – космическая бездна,
С её холодной чёрной пустотой.

Во мраке звёзды россыпью искрятся,
Но все они безмерно далеки.
В сознании мысли грустные гнезятся,
Их не смахнуть движением руки.

Уходит мир, который был мне дорог,
Где пустота сменила суету,
От всей Земли остался лишь пригорок,
И на пригорке – яблоня в цвету.

2017 г.

Дилемма

Хлопотать о насущном хлебе,
Добывать вожделенный трон?..
Видал я, как гоняет в небе
Птицу-ястреба стая ворон.

Подниматься ночами к звёздам,
Зарываться в земную твердь,
Разрушать родовые гнёзда,
Ничего своего не иметь?

Знаю я, как возводят срубы,
Видал я, как они горят,
Слышал, как отпевают трубы
Жизнь, прошедшую в муках зря.

За мираж в облаках пластаться,
Убивать на чужой войне,
Навсегда при своих остаться –
Всё равно отдавать вдвойне!

2018 г.

Музыка летней ночи

Огненной иглою прошивает
Небеса стремительный болид.
Ночь такая чудная бывает!
И душа не ноет, не болит.

Ветер заплутал в древесных кронах,
Из ветвей не выбравшись, уснул.
И вокруг – ни шороха, ни звона.
Месяц в чёрной бездне утонул.

На губной гармошке я играю,
Мысленно читая новый стих.
Ноты я слегка перевираю,
Впрочем, дело, в общем-то, не в них.

Хорошо под звёздами на даче,
В кресле на некошеной траве.
Я себя здесь чувствую иначе,
И такая ясность в голове!

2018 г.

Афродита

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Не было богини в мире краше,
Что могла б так трепетно любить
И из вечной молодости чаши
Позволяла избранным испить.

Боги все, лишённые покоя,
К Афродите льнули вновь и вновь –
У богини был волшебный пояс,
Возбуждавший сильную любовь.

Из морской родившаяся пены, –
Афродита – спутница весны,
Оставалась вечно неизменной,
Приходя к влюбившимся во сны.

Тема эта вовсе не избита
Для людей, что в жизни знают толк.
Дайте мне из чаши Афродиты
Пригубить хотя б один глоток!

2019 г.

На закате

Я провожал брюнетку в красном платье,
В полнеба тлел оранжевый закат.
Но из того, что мог тогда желать я
Не всё сбылось, в чём сам и виноват!

Она в тот миг расстроилась неожиданно,
Что вечер путь наш общий завершил,
Звала с собой в приморский город Жданов,
Но я поехать так и не решил.

Я в наш счастливый случай не поверил,
Чего себе с годами не простил.
Не написал ей, сам себя уверил,
Что ласточку на волю отпустил.

Ах, как закат по небу распластался!
Глаза, кудряшки, платье, летний зной...
И от всего на память мне остался
Лишь чёрно-белый снимок с желтизной.

2019 г.

Творящие миры

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Шаман камлает у костра не даром,
И в бубен бьёт совсем не для игры,
А, обладая необычным даром,
Он проникает в тайные миры.

Он видит их, он их осознаёт,
А, может быть, он их и создаёт,
Как живописец, пишущий картину,
Или стихи слагающий поэт,

Отбросив повседневную рутину,
Творит миры неведомых планет.
Так разум, подсознание и чувства
Рождают параллельный мир
искусства.

2019 г.

Ценитель

...От того и не пишется, что
Потерялся мой верный читатель.
Беспокойный, ершистый, зато
Был в душе он поэт и мечтатель.

Всё звонил – не противник, не друг –
Разглагольствовал, спорил, ругался,
И, насытившись критикой, вдруг
Он удачной строкой восхищался.

Я писал, зная: рядом живёт
Неотступный суровый ценитель,
Что и за миллион не соврёт,
Но нашёл он другую обитель.

Не оставил и адреса мне,
Уезжая в туманные дали,
И теперь в своей новой стране
Он меня прочитает едва ли.

2019 г.

Культурологические галлюцинации

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Произведения – звенья одной структуры,
Время расставит их, замыкая круг,
Все они – плод единой земной культуры,
Всё в них – творенье мысли, души и рук.

Даже по образам судя, отдельно взятым, –
Небо, Давид, Гала и пейзаж вдали –
Мир Микеланджело, если не быть предвзятым,
Вовсе не так далёк от пустынь Дали,

Где убегает девочка в белом платье,
Скалы в песках, как мёртвые корабли,
Сюрреалистки с шкурами, крест с распятым,
Монстр-элефант бредёт на краю земли.

А с высоты Луны и планет Вселенной,
В свете сияния звёзд из бездонной тьмы,
Наше искусство – часть пустоты нетленной;
Но и они – лишь то, что в них видим мы.

Славы тельцу – всё больше, всё меньше – лире.
Может, у муз сегодня последний вздох?
Мёрзнет Давид с пращой в электронном мире,
Девочка в белом выросла, монстр издох.

2019 г.

Ночь

Ночь состоит из мрака в крупинках звёзд,
Из тишины, нарушенной шумом ветра,
Из чьей-то песни, что ветер с собой принёс
На расстояние около километра.

Ночь состоит из снов, победивших тьму
Небытия уснувшего подсознания,
И из того, что теперь предстаёт ему
Из потаённых чувств и глубин познания.

2019 г.

Звездопад

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Если звёзды вдруг падают где-то,
Значит, видимо, вышел их срок,
Как у медной старинной монеты,
Послужившей хозяевам впрок.

Если звёзды тускнеют в пустыне
В стороне от восторженных глаз –
Значит, сердце их скоро остынет,
Вспыхнет свет завершающий раз.

Но звезда исключительной пробы,
Не теряя свой цвет золотой,
Светит даже в забвении, чтобы
Всё равно оставаться звездой.

2019 г.

В плену

Мы у коронавируса в плену,
Он держит нас надёжно в заточенье.
Он мучает нас зиму и весну,
Не отпускает даже в воскресенье.

Но если вдруг поэту повезло,
И на него нисходит вдохновение,
То он коронавирусу назло
Слагает о весне стихотворение.

О том, что распускается листва,
И, наконец-то выдохлись метели,
Что густо пробивается трава,
И что скворцы к нам с юга прилетели.

А главное – о том, что жизнь идёт,
И что народ совсем не унывает –
Он лучших дней в бездействии не ждёт,
А созидает всё, что успевает.

Людские души радуют стихи,
Их содержание многих убеждает,
Что вирус к нам пришёл не за грехи,
В природе, просто, всякое бывает.

2020 г.

Погоня

В небе холодно звёзды мигают.
Вдалеке где-то спят города.
Я по просеке длинной шагаю,
Сам не зная, зачем и куда.

Озираюсь на шум, замирая,
Как в объятьях железных оков. –
Вслед за мною, глазами сверкая,
Мчится стая голодных волков.

С места рвусь, уношусь, убегаю,
Доверяясь ногам и судьбе.
Но вожак всё равно настигает –
Он силён и уверен в себе.

Я в прыжке, от земли отрываясь,
Воспаряю над лесом легко.
Подо мною, в снегу кувыркаясь,
Скачет стая свирепых волков.

В синей дымке их контуры тают,
Бледный месяц застыл на сосне...
К счастью, я, как и прежде, летаю.
К сожалению, только во сне.

2020 г.

На самоизоляции

На карантине может повториться
Известный голливудский день сурка.
А вдруг нам повод дан остановиться,
О многом призадумавшись, пока

Не утекло стремительное время
В блестящую пустую суету,
Чтоб на Пегасе, вставив ногу в стремя,
Мы звёзды зажигали на лету.

Чтоб оставаясь дома поневоле
Наедине с собой и день и ночь,
Мы из души, стремящейся на волю,
Всё худшее, что в ней, изгнали прочь.

2020 г.

Тоска ноября

Тоска догнала в ноябре.
Весь год гналась безрезультатно,
И в ситуации нештатной
Всё было просто, как в игре.

Всё было, как не наяву.
Мелькали дни, мелькали ночи
Среди родных, друзей и прочих,
А утром снег упал в траву.

Всё стало блёклым во дворе.
Я вздрогнул, в кресле полулёжа,
И вдруг почувствовал, что всё же
Тоска догнала в ноябре.

2020 г.

Двадцать первому году

Во дворе блестит огнями ёлка –
На пороге новый Новый год.
И зима невидимой метёлкой
Свежий снег по улице метёт.

Время мчит, сворачивая круто –
Бег свой ускорять ему не лень.
Помню ёлки города Сургута,
А теперь за окнами Тюмень.

А теперь вдали меняет краски
На Туре изящный мост любви.
Он – не образ из волшебной сказки,
Он теперь мой вечный визави.

Год за годом ходят вереницей,
Я менял края и города,
Но моей желанной синей птицей
Новогодний праздник был всегда.

К завершенью катится двадцатый,
Странный, фантастический, и вот,
На календарях меняя даты,
Наступает двадцать первый год.

2020 г.

Для души

Из лучших строф моих десятилетий
Возьму стихи, что больше для души.
И пусть они не лучшие на свете,
Но, пишут, будто тоже хороши.

Из пары сотен разных публикаций
Оставлю то, что трогает сильней.
Мне станет мир прекраснее казаться,
И будет небо глубже и синей.

Ведь в тех строках – мои воспоминанья,
Томленья чувств, не смертные грехи
Времён, когда я грыз гранит познания,
И зрелых будней мудрые стихи.

Я помещу их в свой последний сборник,
Что будет мне сиять, как лунный свет.
И, может, время – самый лучший дворник –
Не заметёт совсем мой бледный след.

2021 г.

Ностальгия

Где безбрежны просторы родные,
Из глубин пережитых годов
Ярко светят огни золотые
Городков и больших городов.

Где знакомы мне, улицы, парки.
Где обрёл я основы основ,
В суете повседневной запарки
Бродят тени несбывшихся снов.

Так привычны дворы и фасады!
Пусть порой там не сладко пришлось,
Нет во мне ни обид, ни досады –
Что начертано, то и сбылось.

Пусть и жизнь у них стала иною,
И они от меня далеки,
Всё равно будут вечно со мною
Города мои и городки!

2021 г.

Содержание

«ГОРОДА МОИ И ГОРОДКИ»	4
Родаково	4
Ясиноватая	6
Рослау	7
Донецк	9
Сургут	11
Тюмень	15
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	17
Зимний сон	18
Прощальное	19
Ожидание	20
Свиданье	21
Возвращение	22
Муза	23
Гроза в степи	24
Письмо	25
Шарманщик	26
Воспоминание	27
После нас	28
Весна в Сургуте	29
Жанна	30
Эскиз	31
Метель	32
Зима в Лянторе	33
Сургутской Авроре	34
Весенним днём	35
Охота на собак	36
Церковь в Сайгатиной	38
В старом парке	39
Начистоту	40
Откровение	41
Урман	42
Настроение	43
Сказка теней	44
Девушка и смерть	45
В Каталонии	46
Графика	47
Провинциалка	48
Память о Париже	50
Адриатика	51

Половодье	52
Моя строка	54
Предзимье	55
Миранда.....	56
На Луне.....	57
Звёзды над крышей.....	58
Заграница	59
Наш край	60
Вьюга	61
Мороз	62
Затмение	63
Ноябрьский вечер	64
Отпуск на острове.....	65
Аллюзия.....	66
Весной на Сайме.....	67
Кносс.....	68
Осенняя грусть	69
Во дворе	70
Портрет с цветами.....	71
Четырнадцатый	72
Перемирие	73
Граница.....	74
Суперлуние	75
В новой жизни	76
Грустное.....	77
Дилемма	78
Музыка летней ночи.....	79
Афродита	80
На закате	81
Творящие миры	82
Ценитель	83
Культурологические галлюцинации.....	84
Ночь	85
Звездопад.....	86
В плену	87
Погоня	88
На самоизоляции.....	89
Тоска ноября	90
Двадцать первому году.....	91
Для души	92
Ностальгия	93
Содержание	94

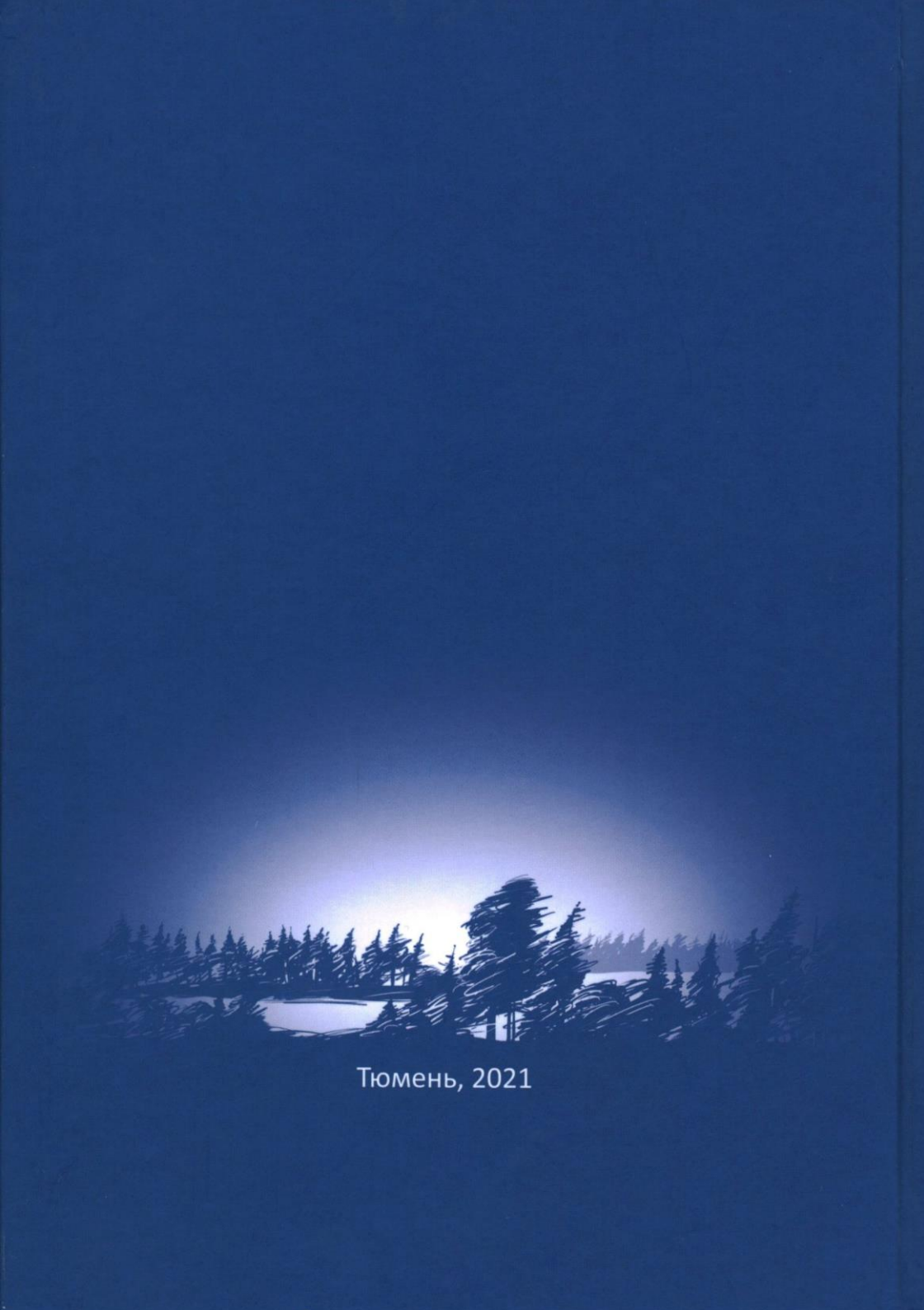
Дмитрий Алексеевич СЕРГЕЕВ
«Всё, что прожито, было не зря»

Автор выражает благодарность за помощь в издании книги благотворительному фонду «Ветеран Севера» и лично Маргарите Степановне Бондаревой и Ивану Калистратовичу Диниченко.

Оцифрованные книги Д.А.Сергеева можно найти в Интернете на сайтах «Электронная библиотека Тюменского писателя» и «Югра литературная».

Верстка, дизайн-макет – Д. Королев

Подписано в печать 29.06.2021 г.
Формат 62х94/16. Бумага ВХИ, мел. гл. 115 г.
Гарнитура Calibri
Тираж 150 экз. Заказ № 895
АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел. (3452) 56-56-50

Тюмень, 2021